

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-385-392
УДК 812.161.1

Письмо В. Набокова к Е. Малоземовой

© 2018, А.А. Бабилов

Аннотация: В статье впервые публикуется письмо Владимира Набокова к литературоведу и мемуаристу Елизавете Малоземовой — важное звено для понимания сложной эволюции его отношения к Ивану Бунину.

Ключевые слова: Владимир Набоков, Иван Бунин, история литературы русской эмиграции.

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабилов, независимый исследователь, Москва. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Цитирование: *Бабилов А.А.* Письмо В. Набокова к Е. Малоземовой // Литературный факт. 2018. № 10. С. 385–392.

Елизавета Андреевна Малоземова (1881–1974), уроженка Санкт-Петербурга, с 1920 г. жила в США, преподавала русский язык в университете Беркли, публиковалась в литературно-художественном ежемесячнике «Дело» (Сан-Франциско); автор воспоминаний «Русская женщина в эмиграции» (изданы «Литературно-художественным кружком в Калифорнии» в 1970 г.). Состояла в переписке с И.А. Буниным, А.М. Ремизовым, А.А. Оцупом (Сергеем Горным), Н.О. Лосским, Д.И. Кленовским и другими. Владимира Набокова Малоземова охарактеризовала в своей диссертации так: «Один из самых талантливых русских писателей-эмигрантов, “надежда русской эмигрантской литературы”, молодой человек <...>, которого Бунин считает своим последователем, полагая, что “без него не было бы Сирина” <...>»¹.

Как указал М. Шраер в своем исследовании отношений двух писателей, Бунин в письме к Малоземовой обратил ее внимание на Набокова: «Я думаю, что я повлиял на многих. Но как это доказать, как определить? Я думаю, что не будь меня, не было бы и Сирина (хотя на первый взгляд

¹ *Malozemoff Elizabeth.* Ivan Bunin, as a Writer of Prose. Ph.D. in Slavic Languages. University of California. Berkeley, 1938 (May). P. 256.

он кажется таким оригинальным)»². Это замечание послужило источником вопросов Малоземовой к Набокову, ответ на которые предлагается вниманию читателей.

Высокое мнение Набокова о Бунине-прозаике начало меняться в конце 1930-х гг. и окончательно было пересмотрено после публикации рассказов из «Темных аллей» в «Новом журнале» в 1942 г. 28 января 1951 г. только что вернувшийся из Франции М.А. Алданов написал Набокову:

Дорогой Владимир Владимирович,

<...> Попал я с корабля на бал и не на очень веселый бал. <...> Дело идет о сборе денег в пользу Бунина. Вы<,> верно<,> знаете, что у него от Нобелевской премии 1933 года давно не осталось ни гроша. Живет он теперь главным образом тем, что для него собирают его друзья. Так вот, опытными людьми признано здесь необходимым: для успеха производимого частным образом сбора н е о б х о д и м о устроить в Нью Йорке вечер. Вейнбаум будет председательствовать, будет прочтен рассказ самого Ивана Алексеевича, будет доклад о нем, будет и мое небольшое слово. Я<,> однако<,> сделал оговорку. Я приехал сюда с острейшим конъюнктивитом, и сейчас мой глаз в таком состоянии, что я выступить теперь просто не мог бы. Если эта болезнь <...> к тому времени не пройдет, то я свое слово напишу и его кто-либо на вечере прочтет. Но главное, по общему (и моему) мнению, это — ВАШЕ выступление (хотя бы десятиминутное). Все Вас умоляют приехать для этого в Нью Йорк. Устраивает вечер Лит<ературный> Фонд, образовавший особую комиссию. Он должен состояться во второй половине февраля, — о дне Фонд мог бы с Вами сговориться. Если только есть какая-либо возможность, очень, очень прошу Вас не отказываться. Бунину — 81 год, он очень тяжело болен, и едва ли Вы его когда-либо еще увидите. Вам же будет приятно сознание, что Вы ему эту большую услугу оказали.

Буду ждать Вашего ответа. Был бы чрезвычайно рад, если бы при этом случае Вы написали и о себе. Что пишете? Довольны ли работой? Не слишком ли много времени у Вас отнимает кафедра?

Мы оба шлем Вам, Вере Евсеевне и Вашему сыну самый сердечный привет, самые лучшие пожелания.

<Ваш М. Алданов>³

Набоков ответил так (2 февраля 1951 г.):

² *Шраер М.Д.* Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М., 2015. С. 134.

³ Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Mark Alexandrovich Aldanov papers. Машинописная копия с рукописными вставками.

Дорогой Марк Александрович,

Как-то теплее на душе, когда знаешь, что Вы в Америке. Хорошо бы<, > если бы Вы могли и физически повлиять на погоду. Тут у нас деревья стоят в отвратительных алмазах от замерзающих дождевых капель.

Дорогой друг, Вы меня ставите в очень затруднительное положение. Как Вы знаете, я не большой поклонник И<вана> А<лексеевича>. Очень ценю его стихи — но проза... или воспоминание в аллее... Откровенно Вам скажу, что его заметки о Блоке показались мне оскорбительной пошлятиной. Он вставил «ре» в свое имя⁴. Вы мне говорите, что ему 80 лет, что он болен и беден. Вы гораздо добрее и снисходительнее меня — но войдите и в мое положение: как это мне говорить перед кучкой более или менее общих знакомых юбилейное, т.е. сплошь золотое, слово о человеке, который по всему складу своему мне чужд, и о прозаике, которого ставлю ниже Тургенева? Скажу еще<, > что в книге моей, выходящей 14-го февраля⁵ (в главе из нее, только что напечатанной в «Партизане») <, > я выразил мое откровенное мнение о его творчестве и т.д.

Если<, > однако<, > Вы считаете, что несколько технических слов о его прелестных стихах достаточно юбилееобразны, то теоретически я был бы готов м'эгзекюте⁶; фактически же... Зимой, в буран, по горам, 250 миль проехать на автомобиле, да 250 назад, чтобы поспеть на очередную лекцию в университете, трудноато, а железнодорожный билет стоит 25 долларов, которых у меня нет.

Вместо того чтобы спокойно заниматься своим делом, я принужден вот уже десятый год отваливать глыбы времени и здоровья университетам, которые платят мне меньше, чем получает околоточный или брандмайор. Если же фонд решил бы финансировать мой приезд, то всё равно не приеду, потому что эти деньги гораздо лучше переслать Бунину.

Когда Вам будет 80 лет, я из Африки приеду Вас чествовать.

Очень был рад Вашему письму, но грустно было узнать о Вашей глазной болезни. <...>

Мы оба шлем Вам обоим привет.

Дружески ваш

<подпись: В. Набоков-Сурин>⁷

⁴ Набоков имеет в виду критика, публициста и поэта-сатирика В.П. Буренина (1841–1926). Буренин нередко позволял себе бесцеремонные и резко-обидные высказывания в адрес писателей и поэтов.

⁵ Мемуары Набокова “Conclusive Evidence. A Memoir” (New York: Harper & Brothers, 1951), затем в русском переводе: «Другие берега» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954).

⁶ Т.е. “m'exécute” — покориться, выполнить.

⁷ Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Mark Alexandrovich Aldanov papers. Машинопись.

Письмо В. Набокова к Е. Малоземовой сохранилось в виде машинописной копии (5 стр.) с рукописными вставками английских слов и выражений⁸. Слова, набранные разрядкой, выделяются курсивом. Дата указана Малоземовой в ее диссертации⁹. Набоковы жили в Ментоне с середины октября 1937 г. до начала июля 1938 г., в то время, пока в Париже в нескольких номерах «Современных записок» печатался самый значительный русский роман Набокова «Дар»¹⁰. В это же время Набоков написал пьесу «Событие», иронично отразив некоторые черты Бунина в образе «Известного писателя Петра Николаевича» («он стар, львист, говорит слегка в нос, медленно и веско, не без выигрышных прочищений горла позади слов, одет в смокинг»)¹¹.

В. Набоков [Письмо к Е.А. Малоземовой]*

Ментона

<22 января 1938 г.>

Многоуважаемая Госпожа Малоземова,

Отвечаю Вам на Ваши вопросы в беспорядке, но на иные из них ответов не знаю, так как с Буниным познакомился только в эмиграции (а в России был гимназистом), по другим же мысль невольно разбредается:

Из русских писателей Толстой и Чехов — наиболее очевидные предшественники Бунина. Из иностранных писателей — Конрад (славянин, впрочем) чем-то был ему родственен. По незнанию иностранных языков Бунин далек от западной литературы. Знаменитый перевод его Лонгфелловского «Гайаваты» был сделан им по подстрочному переводу — и, кстати сказать, во много раз превосходит подлинник.

Вообще: с середины прошлого века началось прозрение русской литературы, вышло солнце, появилось чувство краски: Фет в поэзии, Толстой в прозе. Толстой был первый писатель, увидевший в природе лиловый цвет (о котором, скажем, Пушкин так ни разу и не упоминает: известно, что синий и лиловый оттенки воспринимаются по мере возмужания литературы — римские поэты, например, синевы не видели): лиловые облака, лиловый чернозем¹². Эту же лиловизну Бунин увидел еще

* © The Estate of Vladimir Nabokov, 2018

⁸ The New York Public Library. Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. [On Bunin].

⁹ *Malozemoff Elizabeth*. Ivan Bunin, as a Writer of Prose. P. 26

¹⁰ *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. Биография. СПб., 2010. С. 564.

¹¹ *Набоков В.* Трагедия господина Морна: Пьесы. Лекции о драме / Сост., примеч. А. Бабилова. СПб., 2008. С. 392.

¹² Позднее, в английском эссе «Мираж Лермонтова», Набоков по поводу следующего места из «Героя нашего времени»: «Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма,

острее: как крайнюю степень густоты в синеве неба и моря; эта лиловость есть “purple” английской поэзии (фиолетовый оттенок!), который отнюдь не следует смешивать с русским «пурпуром» (багряно-красный оттенок). Какая-то пелена спала с глаз русской музы, и Бунин является в этом смысле особенно мощным цветовидцем. О его палитре можно было бы написать целый трактат.

Среди советских писателей некоторая ядреность слога и дурного тона точность сходит, кажется, за «влияние Бунина». Я к советской литературе равнодушен, и на мой вкус низость ее общего уровня (Леонов, Федин, Шолохов, даже Олеша — всё это как-никак второй сорт) лишает интереса вопрос о наличии каких-либо влияний¹³. На эмигрантских писателей: я лично с ранней юности любил писания Бунина (особенно его стихи, которые ценно выше его прозы), но о прямом влиянии на меня не может быть и речи. Я сам по себе, как Вы правильно замечаете. Телесная красочность слога, свойственная в различной степени и Бунину, и мне, и Толстому, и Гоголю, зависит главным образом от остроты зрительных и других чувственных восприятий — это есть свойство именно физиологическое (организм Бунина — хрусталик, ноздри, гортань — несомненно лучше устроен, чем, например, организм Достоевского), а не историко-литературное; метод же применения этой природной силы у каждого из названных писателей другой. Кровь и нервы Бунина, вероятно, чем-то похожи на мои, но отсюда *far cry*¹⁴ до литературного влияния. Что же касается бунинского влияния на *Зурова* и *Кузнецову*¹⁵, то, разумеется, оно весьма сильно (и *incidentally*¹⁶ пагубно отразилось на развитии их таланта, как всякое непосредственное, дружески-литературное воздействие) и определяется личной близостью Бунина с ними. Ритм фразы, добротность эпитетов, описания природы, искусно чередуемые с действиями героя (он вышел в сад — описание сада; спустилась ночь — описание ночных эффектов; встал утром — опять параграф, посвященный природе: так проходит или, вернее, — уходит книга), постоянная оглядка на ложно-первобытную лжестихийность пейзажа и сладострастная игра жизни на гробовом бархатном фоне торжественной смерти — всё это целиком взято ими у Бунина и давит, давит... На *Поплавского* же Бунин никак не повлиял.

который тянется лиловой полосой и кончается утесом <...>» заметил, что «это, пожалуй, самый первый случай, когда русский писатель увидел этот цвет» (*Nabokov V. The Lermontov Mirage // The Russian Review. 1941. Vol. I, № 1. P. 37*). Перевод мой. — А.Б.

¹³ Позднее, в американской лекции «Советский рассказ», Набоков даст Ю. Олеше исключительно высокую оценку.

¹⁴ Здесь: очень далеко (*англ.*).

¹⁵ Набоков выделяет имена авторов, которые, очевидно, были упомянуты в при- сланных Малоземовой вопросах.

¹⁶ Между прочим (*англ.*).

Эмигрантская писательская молодежь, особенно поэты, относились и относятся к Бунину вполне равнодушно, а когда в эмиграции появилось собрание его стихов, то кое-кто из молоденьких критиков побойчее обрушился на них, так что пишущий эти строки даже выступил со статьей в защиту бунинской поэзии, в которой этим бойким, но малограмотным молодым людям досталось по заслугам¹⁷. Ибо нет никакого сомнения, что из здравствующих поэтов Бунин и Ходасевич — лучшие, далеко превосходящие всех прочих.

После получения Буниным Нобелевской премии наметилось некоторое оживление в эмигрантской критике о нем.

Термины «символисты» или «реалисты» просто ничего не значат, забудьте их, они только путают. Это были искусственные группировки более или менее талантливых писателей, причем с таким же успехом можно было бы их сочетать по месту издательства или по цвету волос. Время посмеялось над этими «школами», уже *теперь* разделив писателей начала нашего века по другому, более прочному признаку, по признаку дарования: так — Блок, Бунин, Анненский (и, пожалуй, Гумилев) оказались вместе, а — скажем — Бальмонт, Горький, Брюсов попали навек в группу малых талантов; да и в дружную семью бездарностей из всех этих школ набралось немало — от Чирикова до Анатолия Каменского. Другими словами, интересно посмотреть, как школы, эти собирательные фикции, обратились в прах и как выжили (и тем самым соединились, как соединяются самые различные люди на плоту после кораблекрушения) только те писатели, чей талант был талант настоящий. Посему «требования законченности формы и отказ от банальных выражений» — отнюдь не программный пункт какой-либо «школы», а требование, ставимое самому себе всяким честным сочинителем — от Горация до Бунина.

Первый раз слышу, что Сологуб считается первым стилистом русской литературы. Как прозаик, он бездарен, а как поэт — *minor poet*¹⁸. Никакого следа на большой дороге русской литературы он не оставил¹⁹. Но и Бунина первым русским стилистом тоже нельзя назвать. Первыми русскими стилистами были Державин, Карамзин, Пушкин.

¹⁷ Набоков имеет в виду статью «На красных лапках» (Руль. 1930, 29 янв. С. 2–3), в которой он защищал Бунина-поэта от критических нападок А.В. Эйснера в его статье «Прозаические стихи» (Воля России. 1929. № 12. С. 75–88).

¹⁸ Незначительный поэт (англ.).

¹⁹ Ср. в письме Набокова к М.М. Карповичу от 12 октября 1951 г. относительно его гарвардского курса русской литературы: «Я не собираюсь посвящать отдельной лекции Бунину и проч., но расскажу о них в предваряющей лекции. Из новых авторов я рассмотрю Блока, Ходасевича, Белого. Я не стану касаться Сологуба, Ремизова, Бальмонта, Брюсова, хотя, возможно, упомяну их в предваряющей лекции *cum grano salis* — из моей собственной соляной пещеры» (Набоков В. Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959) / Вступ. ст., сост., примеч. А. Бабилова. М., 2018. С. 104).

Не терпя в литературе фальши, а особенно фальши мистической (хотя у него самого в последние годы наметилась опасная склонность к «мудрости», к «Будде»), неудивительно, что Бунин зло отзывается о своих покойных или полупокойных коллегах. Что ж, он прав: у Блока наряду с гениальными прорывами вдохновения была тьма пошлейших безвкусиц, а о Брюсове или бедном Бальмонте нечего и говорить.

Вряд ли к Бунину обращаются за литературными советами, но несомненно обращались бы, живи он в России, причем спрашивали бы не только, как писать, но и «как жить», — а Бунин бы им отвечал: «Любите природу и читайте меня», — т.е. единственно правильное и искреннее, что может и должен ответить уважающий себя писатель.

Почему он не отзывается о нынешних? Хотя бы потому, что в тесной клетке парижской эмигрантской жизни всякое откровенное суждение о брате-писателе воспринимается братом-писателем как кровная обида, а так как с большинством наших литераторов Бунин находится в добрых отношениях, то он и отмалчивается.

По тем же соображениям покорнейше Вас прошу со всем мною сообщенным обходиться строго конфиденциально.

Гонорар прошу Вас выслать на имя моего друга И.И. Фондаминского, так как мне вскоре придется отлучиться из Ментоны.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном уважении.

<Подпись: *В. Набоков*>

Литература

Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография / Авториз. пер. с англ. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.

Набоков В. Переписка с Михаилом Карповичем (1933–1959) / Вступ. ст., сост., примеч. А. Бабилова. М.: Литфакт, 2018. 160 с.

Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме / Сост., вступ. ст., подгот. текста, примеч. А. Бабилова. СПб.: Азбука-классика, 2008. 639 с.

Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.

References

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Russkie gody. Biografiia* [Vladimir Nabokov. Russian years. Biography], transl. from Eng. by G. Lapina. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2010. 695 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Perepiska s Mikhailom Karpovichem (1933–1959)* [Correspondence with Mikhail Karpovich (1933–1959)], intro., comp., notes by A. Babikov. Moscow, Lit-fakt Publ., 2018. 160 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Tragediia gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame* [The Tragedy of Mr. Morn. Plays. Lectures on drama], comp., intro., ed. and notes by A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 639 p. (In Russ.)

Shraer M.D. *Bunin i Nabokov. Istoriia sopernichestva. 2-e izd.* [Bunin and Nabokov. History of rivalry. 2nd ed.]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 222 p. (In Russ.)

Vladimir Nabokov's letter to Elizaveta Malozemova

© 2018, Andrei Babikov

Abstract: The article presents Vladimir Nabokov's letter to a literary critic and memoirist Elizaveta Malozemova, — a crucial element for the understanding of the Nabokov ambivalent attitude towards Ivan Bunin.

Keywords: Vladimir Nabokov, Ivan Bunin, history of Russian émigré literature.

Information about the author: Andrei Babikov, independent researcher, Moscow. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Citation: Babikov Andrei. Vladimir Nabokov's letter to Elizaveta Malozemova. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 385–392.